

Обещал ли шах Аббас I уступить азербайджанские города Московскому государству?

Дербент. Рисунок Г.Сергеева. 1795 г.

К концу XVI века еще недавно мощная держава Сефевидов оказалась на грани распада. Распри кызылбашских эмиров, мятежи и неповиновение центральной власти самозванных властителей на местах, развал экономики усугублялись затяжными войнами и значительными территориальными потерями в результате вторжения соседних государств. Все это привело азербайджанское государство Сефевидов к катастрофической черте (8, с.198; 6, с.35). В такой сложной обстановке на престол вззошел Аббас I (1587-1629), сменивший своего отца шаха Мухаммеда Худабенде (1578-1587). И надо заметить, что **молодой Аббас I с самого начала своего правления проявил себя сильным и волевым правителем**. Задавшись целью восстановить Сефевидское государство в прежних границах, шах Аббас I, которому при ограниченности средств приходилось *«расслаивать приоритеты в деле решения столь многочисленных и серьезных проблем»* (7, с. 76), начал с наведения порядка внутри страны. Добившись установления стабильно-

сти путем жесткого, и даже жестокого подавления малейшего неповиновения, реформирования военной и административной систем, кызылбашский правитель **обеспечил себе возможность осуществить заглавную миссию – возвращение отторгнутых от Сефевидского государства в различные времена земель**. Методично добиваясь этой цели с использованием как военных, так и дипломатических средств, шах Аббас I в течение своего сорокадвухлетнего правления отвоевал Хорасан у узбекского государства Шейбанидов, Азербайджан и Ирак Арабский (позже отвоеванный османами) - у Османской империи, а при поддержке англичан – порт Ормузд у португальцев (4, с.188, 189).

Вместе с тем в исторической литературе с именем шаха Аббаса I связывается вопрос о **согласии уступить Московскому государству азербайджанские города Дербент и Баку (впоследствии к этому списку добавилась Шемаха) в обмен на заключение антиосманского союза** и военную помощь для борьбы с турками. Обещание уступить эти города, имеющие важнейшее стратегическое значение, настолько разительно противоречит общему характеру государственной и внешнеполитической деятельности шаха Аббаса I, что мы решили глубже разобраться в этом историческом казусе.

В вопросе уступки прикаспийских городов Московскому государству ключевым моментом является то, кем он был инициирован, поскольку позволяет выявить истоки этой проблемы. Следует отметить, что данная тема стала предметом дипломатических сношений в русско-сефевидских отношениях еще до прихода к власти Аббаса I. Еще

в 1587 г. в Москву от имени шаха Мухаммеда Худабенде прибыл некий Хады-бек (в русских источниках - Анди-бек), который, согласно русским источникам (прим. 1), и предложил Москве от имени сефевидских властей эту сделку.

Вообще с делегацией Хады-бека связаны некоторые любопытные, а порою даже сомнительные моменты. В русской историографии первым об этой миссии упоминает автор много-томной «Истории Государства Российского» Н.М.Карамзин. Он пишет, что «*Шах Годабенд* (или Худабендей) *предложил ему* (царю Федору) *изгнать турков из Баку и Дербента, обязываясь уступить нам в вечное владение сии издавна Персидские города, если и сам возьмет их*» (3, III, X, I, с.41; 2, с.58). На чем же основано такое утверждение известного русского историка?

Советский исследователь П.П.Бушев, автор фундаментальной монографии об истории дипломатических отношений между Московским и Сефевидским государствами, на основе тщательного изучения архивных документов утверждает, что в фонде № 77 ЦГАДА «Сношения с Персией» **не сохранилось материалов относительно того, о чем и какие переговоры вел Хады-бек в Москве** (2, с.63). Не сохранилась, как видно, и грамота шаха Мухаммеда Худабенде к царю Федору, на которую ссылается Карамзин. Бушев предположил, что Карамзин основывался, «очевидно, на каких-то фондах Посольского приказа – то ли польско-литовского, то ли австрийского» (2, с.59). Он также апеллирует к С.А.Белокурову, который на основании материалов фонда ЦГАДА «Сношения с Грузией» за 1587 г. сообщает о прибытии к царю гонца Анди-бека от кызылбашского шаха Худабенде: «... а в грамоте шах писал, чтоб Государь был с ним в дружбе и в любви и в ссылке, как были отцы их и деды и прадеды» (1, с.563; 2, с.58). По поводу этого сообщения Бушев справедливо замечает, что «в грамоте шаха (прим. 2) нет ни слова о совместных военных действиях против турок и об обещании шаха за военную помощь передать Русскому государству Дербент и Баку, как об этом пишет Н.М.Карамзин» (2, с.58, 59). Таким образом, **прямых письменных документов, которые бы свидетельствовали, что предложение военного союза на условии уступки российской стороне Дербента и Баку исходило непосредственно от сефевидского шаха, не сохранилось**, если таковые вообще были. Получается, что эти утверждения основываются в лучшем случае на

Дербент. Рисунок А.Олеария. 1638 г.

косвенных документах, конкретно говоря, на документации последующих дипломатических миссий между двумя государствами. Прежде всего, это **русское посольство во главе с Г.Б.Васильчиковым (1588-1589) и посольство от сефевидского двора во главе с Бутак-беком и уже упоминавшимся выше Хады-беком (прим.3) (1589-1590)**. Данные этих источников, в частности документов, отражающих содержание переговоров Бутак-бека с представителями московских властей, свидетельствуют, что российская сторона, ссылаясь на Хады-бека, относилась к инициации этого предложения к Сефевидам, хотя последние оспаривали это. Видимо, именно эту косвенную документацию имел в виду и Бушев, когда писал, что «*достоверность предложения Анди-бека о Дербенте и Баку доказана документально, а о военном союзе может быть подтверждена только косвенно*» (2, с.63). Но эти же источники как раз свидетельствуют, что **вопрос инициации уступки городов Ширвана на первых порах серьезно оспаривался сефевидской стороной**. Тем не менее, следуя Карамзину, который, по замечанию Бушева, допускал «*иногда вольные толкования в своих исторических работах*» (2, с.45), прочие авторы, ссылаясь именно на посольство Хады-бека, также относят инициацию вопроса возможной уступки прикаспийских городов к шаху Мухаммеду Худабенде, или же его преемнику Аббасу I (прим.4).

Как мы уже отмечали выше, Бутак-бек, в сопровождении Хады-бека прибывший в Москву в мае 1590 г., на переговорах «*пытался опровергнуть факт инициативы иранской стороной вопроса военного союза против Турции*», на что, по словам Бушева, указывает и иранский историк Моэзи (2, с.136). Отмечая также, что «*посол Бутак-бек не оставался перед дезавуированием предыдущего шах-*

Миниатюра "Шах Аббас встречает иностранного посла". 1618 г.

ского посла, своего товарища по посольству – Анди-бека», Бушев замечает - «он (Бутак-бек – Ф.Г.) обвинил русских переводчиков в неправильном переводе его речи, сказав, что посланник Анди-бек «говорил **не по государя нашего велью**» (курсив наш), или толмачи не умели вытолмачить» (правильно)...» (2, с.136; 5, с.210).

На это московские вельможи заявили Хады-беку, что во время приема в ответной полате (прим.5) в ходе его первого визита в Москву он **от имени шаха предложил русскому царю союз против «недрузгов» и просил прислать войско с «вогненным боем»** (прим.6), потому что шах намерен отвоевать у турок города Дербент, Баку, Шемаху, Ширван, а отвоевав, уступить русским Дербент и Баку, остальные же взять себе (5, с.136; 2, с.59).

Под давлением российской стороны Бутак-бек, по замечанию Бушева, «безответственно» заявил, что шах Аббас готов уступить русскому государю не только эти два города, но и прочие города, занятые турками (2, с.137).

Итак, вышеназванное предложение было сделано Хады-беком в ходе своего первого визита в Москву в устной форме, в грамоте же шаха, как отмечает Бушев, ничего по этому поводу не было.

Отсутствие письменных свидетельств того, что инициатива заключения антиосманского военного союза на условии уступки Московскому государству Дербента и Баку исходила от сефевидской стороны, можно было бы объяснить широко распространенной в то время дипломатической практикой, когда ценная информация во избежание попадания ее в руки третьей стороны не фиксировалась письменно, а передавалась посланником в устной форме, в данном случае через гонца Хады-бека. В сложившихся на тот момент условиях опасения подобного рода были вполне оправданны, поскольку послы, которым часть пути из Сефевидского государства до столицы Московского государства приходилось преодолевать по Каспийскому морю, могли быть схвачены османами, также имевшими доступ к акватории Каспийского моря после завоевания ими Ширвана в последней четверти XVI века. Однако обстоятельства, связанные с миссией Хады-бека, дают основание полагать, что отсутствие письменного свидетельства об уступке Московскому государству азербайджанских городов, предложенной Хады-беком от имени шаха Мухаммеда Худабенде, объясняется **не столько соображениями конспирации, сколько тем, что у сефевидской стороны**

Миниатюра восточного художника "Посол Российского государства Г.Васильчиков". 1580 г.

по меньшей мере не было достаточно четкого намерения отказываться от названных городов, или же такого намерения не было вообще.

В пользу нашего предположения свидетельствует не только тот факт, что сефевидская сторона поначалу решительно опровергала инициирование этого вопроса со своей стороны, на что мы обращали внимание выше. О сомнительности того, что инициатива уступки Московскому государству Дербента и Баку взамен заключения антиосманского военного союза исходила непосредственно от сефевидского двора, свидетельствует другой весьма любопытный эпизод, описанный Г.Б.Васильчиковым – главой русской делегации, которую царский двор, воодушевленный посольством Хады-бека, спешно снарядил в столицу Сефевидского государства. Этот эпизод свидетельствует о том, что **у Хады-бека были серьезные опасения относительно реакции сефевидских властей к предмету проведенных им в Москве переговоров.** Выехавший в Казвин одновременно с Хады-беком весной 1588 г., Васильчиков в своем статейном списке подробно повествует о том, что в пути

Миниатюра "Шах Мухаммед Худабенде"

они с Хады-беком решили составить отчет о его миссии в Москве для представления шаху Аббасу I, который взшел на трон как раз в период пребывания Хады-бека в Москве. Но тут между Хады-беком и Васильчиковым разгорелся спор именно по поводу того, о чем велись переговоры в Москве, и условий заключения русско-сефевидского союза. Согласно Васильчикову, Хады-бек предлагал написать, что шах Мухаммед Худабенде посылал его к русскому царю с предложением выслать войска в Дербент и Баку с тем, чтобы совместно с сефевидскими войсками отвоевать их, а после уступить их сефевидскому шаху (5, 65). Васильчиков резко возразил на это, заявив, что Хады-бек «говорил не гораздо» (т.е. неправильно – Ф.Г.) и что на приеме у русского государя не было и слова о том, что после взятия городов русский царь должен будет передать их шаху (2, с.65,66).

Из изложения Васильчикова следует, что **Хады-бек, узнав о восшествии на сефевидский пре-**

стол Аббаса I, пытался отказаться от того, о чем заявлял от имени шаха Мухаммеда Худабенде на приеме у царя Федора. Бушев объясняет перемену в позиции Хады-бека тем, что тот «не знал, примет ли новый шах Аббас линию отца в отношении уступки Москве Дербента и Баку». «Поэтому, когда 14 сентября 1588 г. в беседе с русским посланником Васильчиковым зашел разговор о донесении Анди-бека шаху Аббасу с отчетом о его посольстве в Москве, Анди-бек хотел сманеврировать, обезопасив себя от случайностей. Васильчиков понял это и обрушился на него с упреками, разоблачив его попытку извратить суть московских переговоров» (2, с.64).

Столь странное поведение Хады-бека, на приеме у царя заявившего одно, а на обратном пути в Казвин пытавшегося отказаться от сделанных им в Москве предложений якобы из-за опасений относительно реакции нового шаха, вкупе с прочими обстоятельствами создает впечатление, что предложение заключения военного союза с Московским государством на условии уступки ему прикаспийских городов было на самом деле **некоей авантюрой, которая, по всей видимости, была затеяна определенными кругами «за спиной» сефевидских властей.** Выражаясь конкретнее, Хады-бек, прибывший в Москву как представитель сефевидского двора, воспользовавшись своей миссией, выражал интересы какой-то группировки, которая, пользуясь обстановкой смуты в кызылбашском государстве, пыталась вести закулисную игру.

В свете вышеизложенного предположения, естественно, возникает вопрос: чьи в действительности интересы представлял Хады-бек и кому был выгоден военный союз с Московским государством именно на условии уступки Дербента и Баку, что фактически означало утверждение Московского государства в прикаспийском регионе? ❀

Продолжение в следующем номере

Примечания :

Прим.1 При написании данной статьи мы основывались главным образом на документах ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), изданных под редакцией Н.И.Веселовского. См: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т.1. СПб., 1890

Прим.2 Очевидно Бушев хотел написать: «в упо-

минаемой Белокуровым грамоте шаха», поскольку сама грамота, как уже отмечалось, не сохранилась

Прим.3. Это был второй приезд Хады-бека в Москву, всего же в качестве представителя Сефевидского государства он четырежды побывал при московском дворе

Прим.4. Так, С.М.Соловьев писал относительно посольства Хады-бека, что «шах Годабенд (Ходабендэ) из-за военных неудач предложил в 1586 г. военный союз русскому царю, обещая за это отдать Баку и Дербент, «даже если и сам [шах] возьмет их у турок» (12, с.279). Авторы «Истории Ирана...» идут еще дальше в вопросе передачи Московскому государству вышеназванных городов, отмечая, что «правительство царя Федора Ивановича добивалось формального подтверждения этой уступки...», от чего «посол шаха Аббаса I Хади-бек уклонялся», но «наконец, получил от шаха полномочия дать письменное обязательство» (9, с.271, 272). Но авторы данного издания также не дают ссылки на источник, и поэтому достоверность этого свидетельства тоже сомнительна. Рахмани пишет: «Еще до заключения мирного договора 1590 г. с Турцией Аббас I отправил своего уполномоченного посла Хадибека в Москву, которому было поручено организовать выступление обоих государств против османов в Закавказье. Шах обещал за такую помощь отдать Московскому правительству Дербент и Баку» (10, с.64). См. также Петрушевский И.П. (8, с.275); Алиев Ф.М. (1, с.31. 33); Ашурбейли С.Б. (2,с.200,201)

Прим.5. Ответная полата – помещение, где иностранному послу бояре давали ответ на его предложение.

Прим.6. Вогненный бой - огнестрельное оружие.

Литература

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып.1. 1578-1613. Москва, 1889
2. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам) Изд. «Наука». Москва, 1976
3. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Изд. 5-е, в трех книгах. Кн. II, СПб.,1842; кн. III, СПб.,1845
4. Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV - начало XVII века). Баку, 1981

Шах Аббас I

5. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Изданы под редакцией Н.И.Веселовского, том I. С.-Петербург, 1890

6. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку, 1981

7. Savory R. Iran under the Safavids. Cambridge, London, N.Y., 1980

8. Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981

The article discusses the thesis prevailing in historiography about the proposal of the Safavid state of Russia to cede Baku, Derbent and Shamakhi in exchange for a military alliance and assistance against the Ottoman Empire. This proposal was put forward by the Embassy which departed under Shah Muhammad Hudabend and returned when Abbas I was on the throne. In the first part of the article, the author cites literary and documentary sources to conclude that this proposal was the result of a crisis in the Safavid state, and some group took advantage of the weakened power of the shah and led their own backstage game.